

НОВАЯ серия

Юлий
Гуголев

| командировочные
предписания |

НОВОЕ издательство

Юлий Гуголев

Командировочные предписания

«Новое издательство»

2006

Гуголев Ю.

Командировочные предписания / Ю. Гуголев — «Новое издательство», 2006

Для небольшой книжки (80 страниц) – диапазон поэтической речи очень широк, от коротких, почти классически философских текстов до минипоэм. В них звучит, характерный для автора проговор с “ненормативной лексикой”, вполне органичной на фоне “ненормативной” реальной жизни. В этих более объемных вещах проговаривается живая речь поэта, не спихивающего ответственность на лирического героя, а принимая близко к сердцу все то, что произошло, но и то, что не произошло, и это-то и страшновато. Гуголеву потребовались долгие годы, чтобы прийти до жизни такой в поэзии, до такого мастерства, точности, абсолютной речевой, звуковой обоснованности каждой поэтической эмоции: “С годами утверждается харизма...” Книжку эту рекомендуется читать в несколько приемов, с перекурами, и тогда открывается слой за слоем и хочется заглянуть и дальше, если только не страшно. Потому что там не про литературу, а про “жизнь”.

© Гуголев Ю., 2006

© Новое издательство, 2006

Содержание

О книге	5
ТЕАТР ЮНОГО ЗРИТЕЛЯ	6
ТВОРЧЕСКАЯ КОМАНДИРОВКА С ПРОЖИВАНИЕМ В ГОСТИНИЦЕ «МЕДВЕДЬ»	10
MY WAY	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Юлий Гуголев

Командировочные предписания

О книге

Наше мутное время: грибного появления назначенных гениев после дождичка eight days a week, сколиозного позиционирования, водопроводного потока профессионально упакованных “текстов” и взаимной раздачи, пахнувших нефтью, литературных премий. На фоне этих декораций стихи Гуголева отличает живое кровообращение, искренняя ежедневная прямая речь остроумного блестящего рассказчика “о времени и о себе”. Стихи его глубоки, самоироничны, смешны и грустны, но при этом легки, не претенциозны, интересны и очень вкусны. Выдержанное мастерство авторского исполнения вынуждает слушателя и читателя усмехаться, смеяться и понимающе кивать, а позже, по дороге домой, грустно сообразить: ага, вот он о чем, Боже куда же все это идет?...Идет это все “в другие области”, о которых Гуголев и сообщает свои впечатления. Для небольшой книжки (80 страниц) – диапазон поэтической речи очень широк, от коротких, почти классически философских текстов до минипоэм. В них звучит, характерный для автора проговор с “ненормативной лексикой”, вполне органичной на фоне “ненормативной” реальной жизни. В этих более объемных вещах проговаривается живая речь поэта, не спихивающего ответственность на лирического героя, а принимая близко к сердцу все то, что произошло, но и то, что не произошло, и это-то и страшновато. Гуголеву потребовались долгие годы, чтобы дойти до жизни такой в поэзии, до такого мастерства, точности, абсолютной речевой, звуковой обоснованности каждой поэтической эмоции: “С годами утверждается харизма...”

“Жива, жива! – пока в запарке
Проклевываются стишки,
Пока распарывают Парки,
Не ими шитые стежки.”

Книжку эту рекомендуется читать в несколько приемов, с перекурами, и тогда открывается слой за слоем и хочется заглянуть и дальше, если только не страшно. Потому что там не про *литературу*, а про “жисть”.

Андрей Грицман (Нью-Йорк)

ТЕАТР ЮНОГО ЗРИТЕЛЯ

Тимуру Юрьевичу Запову

Время медленных танцев прошло, —
утверждает мой старший товарищ,—
наступает вселенское зло,
и отряды зубастых влагалищ

неизбежно берут нас в кольцо.
Мы, как Паулюс... Хуже, – как Власов.
Нас к барьеру ведут, подлецов,
пидарасов, лжецов и ловласов.

Под конвоем ужасных химер
мы ведомы, как будто ОМОНОм.
Вот какой подаём мы пример
нашим юным друзьям покемонам.

Их ведь тьмы! Каково нам вдвоём!
И какие-то всё мерзкие рожи!
Может, мы это, только моложе.
как стоял кое-кто на пруду,
своим чувством давясь или тужась,
по еблу чуть мне не дал в бреду,
ой, вот это действительно ужас.
Для того ли всю жизнь я питал
все свои белоснежные щёки,
чтоб кой-кто неприязнь к ним питал?
По еблу... Покемоны, я в шоке!

Время медленных танцев – кирдык!
Время стансов? Не знаю. Похоже?
До чего ж всё-т'ки мерзкие рожи!
До чего же багровый кадык!

Ну, и сам тогда не багровей.
Сам подумай, ну хули так злиться?
Время стрессов и – как их? – страстей
в этом смысле для нас ещё длится.

Ждать всё легче, а жить всё чудней,—
не вращать очи черные дико,
не считать, что пусть сам не Орфей,
так хоть баба твоя – Эвридика.

В этой каше, в кольце этих лярв

нам и счастья иного не надо.
И топор уварился, и лавр.
Налетай, угощайся, менада.

Но менады уносятся прочь.
С нами, чувствуют, каши не сварить.
Я б сейчас и менаду не прочь,—
утверждает мой старший товарищ.

С кем бы сладиться? Сладиться не с кем.
Наступает вселенское зло.
О, позволь мне быть столь же вселенским,
если только не треснет ебло.

Всё милей нам трёхзначные числа.
Всех бледней ископаемый мел.
Я совсем танцевать разучился?
Дь я вообще никогда не умел.
Вот стоим – покемоны точь-в-точь.
Если спросит мой старший товарищ:
– Ну, а ты чем тут можешь помочь?
Посоветуешь что? Позабавишь? —

у меня есть отличный совет:
– Не терять человеческий облик.
Потому, что есть образ!
и свет!
и конь блед!
Кто блед? – Конь блед.
А-а, о, бля, как...

* * *

– Да-а, а вот Генцы мясо едят...—
бабушка входит, держа в полотенце
сковороду, на которой скворчат
сделанные из очисток картофеля
драники: их со слезами готовили,
их почему-то не кушают Генцы,
хоть в них вся польза, а в мясе весь яд.

К Генцам у бабушки зависти нет,—
пусть их владели всем домом, при этом
шили корсеты; генцев корсет
шёл и для Малого, и для Большого;
пол-Лепешинской и Люба Орлова
(это когда уже для Моссовета)

Генцами скушивались в обед.

Кошка задумалась в рыхлом снегу.
Бабушка снова в слезах: – Каково им!
Жалко, – я вам передать не могу.
Генца Володю особенно жалко.
Вот ведь, во всём виновата овчарка:
выла в бомбежку, – предательским воем
слала условные знаки врагу.

Двор «Артистического» кафе.
Ящики из-под слоёных пирожных.
Папе лет восемь, свинец в рукаве.
Если кто первым залез в эти ящики,
он же все крошки возьмёт настоящие,
он же получит под дых и по роже,
вряд ли по яйцам, – по голове.

Бабушка плачет о папе навзрыд,
переполняя слезами корыто
(мыло настругано, пена шипит),
что он читал, когда кушал. По-моему,
«Лезвие бритвы». – Всё будет по Моэму! —
папа клянётся над книгой раскрытой
и над тарелкой с клеймом «Общепит».
Бабушкин плач обо всём и о всех,
но вот чего нам не стоит касаться
(я-то коснусь, не взирая, что грех),
это что бабушкина кулинария,
чем несъедобнее, тем легендарнее:
скудные слёзы фальшивого зайца
льются сквозь миру невидимый мех.

– Кожа – для шейки... Курятину – в плов...
Бабушка, с курицы кожу снимая,
думает не о количестве ртов,
но лишь о том, как обеду свариться бы.
Просто у бабушки есть свои принципы,
с коими связана сцена немая,
перед которой несколько слов:
– Жареный лук... Два стакана муки...
...перемешать, только не в сковородке...
...сделать из кожи куриной чулки...
...шейки на ощупь должны быть чуть жидкими...
Всё зашивается белыми нитками.
Кажутся нитками на подбородке —
в коже оставшиеся волоски.

– Нет, потроха мы оставим в тазу...

– Что, могут выпасть?.. – Бывает... но редко...
– Что, вам удобно так? Шить навесу...
– Шов должен быть, как в пельмене бороздка...
...важно, чтоб не подвела заморозка.
Возле подъезда стоит табуретка.
– Где табуретка? – Обе внизу.

– Если что нужно, свяжитесь со мной.
Ой, да ну что вы, нет легче работы.

В общем-то хватит и справки одной,
это для агента, мы же горячее
купим и окорочка на горячее,
так что закуски – колбаски, там, шпроты, —
то есть как рыбной, так и мясной.

– Сам я всё вымою, даже не мой.
Кто же сливает из противня жижу!
Бабушке я объяснил всё самой,
в форме доступной, но чуточку резкой,
мол, обойдёмся без кухни еврейской.
Вышел на кухню, и что же я вижу...
Здесь описание сцены немой.

Кожи-то нет на курином бедре.
Бабушка, снявши её, хорошенько
вытопит всё, что осталось в мездре,
медленней соображая от горя.
Дедушка нынче свезён в крематорий.
Раньше из кожи готовили шейку.
Серую шейку на смертном одре.

То, что на бабушку стал я орать,
в Страшном Суде мне припомнят отдельно.
Даже смягчившись, небесная рать
будет всю вечность смотреть с укоризной.
Бабушка уж не хлопочет над тризной.
Бабушка в спальню уходит, как велено,—
ляжет в постель, но не скрипнет кровать.

Бабушка плачет и обо мне,
но дух её прочен, как могодovid.
То она всхлипнет, точно во сне,
а то, словно суриковская боярыня,
вскинет двуперстие, выдохнет яростно:
– Каждый из многого приготовит!! —
и отворачивается к стене.

ТВОРЧЕСКАЯ КОМАНДИРОВКА С ПРОЖИВАНИЕМ В ГОСТИНИЦЕ «МЕДВЕДЬ»

1

Ехали до Ярославля,
то ли зимой, то ли летом,
сам я дорогой ослаб, бля,
только ведь я не об этом.

Ждут нас в гостинице «Юность»,
ждут в «Юбилейной» с «Медведем»,
там, вероятно, убьют нас,
мы всё равно туда едем.

Нам проводница сказала
голосом нервным, но строгим:
«Следуйте в здание вокзала!»
Следуйте!.. А мы не можем!!

Полностью, хоть имя дико,
всяко – и сидя и лёжа,
выпита нами мастика,
палинка выпита тоже.

Мы тут чуток поболеем
в вашем вагоне уютном.
Ведь не сбежит «Юбилейная»,
ведь не спешит наша «Юность».

Ладно, Андрюша, ответь им,
выйдем мы, раз так охота им,
к Фавфаваофам, к медведям,—
вот наш гостиничный тотем.

2

Заполночь – по Ярославлю,
то ли весна, то ли осень,
след свой неверный оставлю,
вот, блядь, как ёбнись щас оземь.

Снегом ли, палой листвою,—

чем занесён этот дворик?
Кто это там эти двое?
Что он сказал про топорик?

Кто произнёс в ответ «инч, э»?
Кем им приходится Света?
Что она делает нынче,
и что ей будет за это?

Как угораздило Свету
спутаться... с кем, бишь?.. с Норайром?!!
Двое – по нашему следу.
Разве свернуть не пора им?

Ведь не вполне я – Светлана,
ты ж – абсолютно не Норик.
Как же, Андрюша, «да ладно»?
Что он сказал про топорик?

Мама-медведица, где ты?
Мы не торопим с ответом.
Мы проживём дольше Светы.
В сущности, я не об этом.

3

То, с чем угасло сознание —
это что не было лифта;
то, как восстал ото сна я,
чем-то напомнило Свифта.

Словно туманной порою,
в повествовании старинном,
пав Человеком Горою,
встал я Куинбус Флестрином.

Тысячи тайных шнурочков,
пригнанных тесно друг к дружке,
репу мою как нарочно
так притянули к подушке,

что, когда сел я с ухмылкой,
чтобы спросить «А в щём зело?»,
наволочка от затылка
не отлипала, висела.

Тут и Андрюша проспался

и пояснил: «В полвторого
я тут уже просыпался,
как от медвежьего рёва.

Что там Везувий и Этна!
Глянь, что ты сделал с паркетом.
Что, блядь, почти незаметно!
Что значит, ты не об этом!»

4

С утра объяснял ей всяко:
«Действует тошная сила».
Сестра-отвечала-хозяйка:
«Ужас, вот прям так бы и убила».

Ну, ведь не ужас-ужас!
Мы ведь решим в буфете
есть ли на свете мужество
и сколько его на свете,

много ль на свете чести,
где затерялся след их?
«– Нам два раза по двести.
Да, и котлеток, котлеток...

Мы тут живём, в „Медведе“.
Нас сюда Бог занёс.
Выдайте ж нам по котлете,
и хоть один чистый поднос».

А что, мы уже отвыкли?
Мы забурели немножко?!
Может, ещё нам вилки?
– Извиняюсь, не будет ножика?

Будет. Могло быть хуже.
Лучше – тоже могло.
Не отвечает Андрюша,
тычется снег в стекло,

лепятся к водке, к котлетам
неба обмякшего комья.
В сущности, я не об этом.

.....
Да, так о чём я...

* * *

Говорит Христос: – Пора!
Нету худа без добра.

Думает Иуда:
– И добра без худа...

Я ж стою с открытым ртом.
.....
Так вот и живём втроём.

MY WAY

Синатра говаривал: Sorry for people,
who don't drink, because
when they wake up in the morning,
they fill as good as they
are going to be whole day.

Я накануне выпил
не потому, что замёрз,
а потому, что вторник.
А после пошёл скорей
к судороге своей.

Возможна ли женщине мёртвой хвала?
Вполне. А живой, но безрукой?
Не знаю, не знаю. А если б была
она не женой, а подругой?
Вот если б она мне женой не была,
вот если б была мне подругой,
тогда бы я встал бы я из-за стола
с наполненной доверху рюмкой
и так бы сказал: все мы знаем, зачем
сегодня мы здесь собралися...
сегодня мы здесь собралися за тем...
Тут слёзы б мои пролилися.

Вот так рассуждая, пришёл я домой
и встретил у лифта индуса.
Откуда он взялся тут, этот индус,
доподлинно я показать не берусь,
а сам я вообще направляюсь к жене,
в силу этого праздную труса.
Он кем-то работает в нашей стране,
он вечно здороваётся со мной.
В подъезде темно. В силу этого
мне виден едва силуэт его.

Индус как индус, симпатичный вполне,
играет с сантехником в нарды.
Глаза его цвета индийского чая.
Ресницы его непомерной длины,—
я, в общем, и помню-то их лишь,—
достойны актрисы Хемы Малини.
Я «здрасьте» всегда отвечаю.
Зачем же я буду надменно
смотреть на него, как Драхмендра,
когда я могу со словами Синатры

к нему обратиться in English:

мол, жаль тех, которые вовсе не пьют,
поскольку когда они утром встают,
им так хорошо и не тошно
(вот даже блевать их не тянет),
но лучше им быть невозможно,
и лучше уже им не станет.

Они не завалятся утром домой,
цитируя Фрэнка Синатру,
они не прочтут укоризны немой
во взгляде, сползающем на сторону.
Им всем не узнать регулярных ночей
и облика дремлющей язвы,
которую надо бы под епанчѐй —
сегодня же – на берег Яузы.
А я вместо этого в кухню – шашь,
как будто всю ночь пробыл здесь я,
чтоб в кухне, оборотнем кружась,
вынашивать планы возмездья.

Одежду мы выбросим. Паспорт сожжѐм.
Хоть не обладая сноровкой,

мы кожу и мясо, – как доктор, – ножом,
а связки, – как Лектор, – ножовкой.
Родители хватятся. Тело найдут.
«А пятна вот эти откуда?»
Вопрос. Подозрения. Следствие. Суд...
Да нет, расчленять я не буду.

Вот пусть лучше в ванной решит она сеть,
и хоть будет жалко её мне,
я брошу ей в ванну, включив его в сеть,
с поющим Синатрой приёмник.
Не слыхивал песен таких наш подъезд,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.